

Материалы финляндских архивов по истории русской армии и флота периода Первой мировой войны

На формирование образа Финляндии и представлений российских военнослужащих о финляндцах прежде всего повлияла динамика отношения местного населения к меняющемуся характеру имперского присутствия в Княжестве в годы Первой мировой войны.

Документы финляндских архивов, современные исследования по истории русской армии и флота в Финляндии позволяют по-новому взглянуть на круг вопросов, связанных с восприятием рядовыми и офицерами населения княжества — финнов и шведов, проследить за отношением армейцев и флотских чинов к деталям быта и иным аспектам гражданской жизни. В то же время материалы, хранящиеся в коллекции «1918 год» Архива Финского литературного общества в Хельсинки (SKS), дают возможность увидеть российских военных глазами финляндцев, как правило, их младших современников, правда, почти через полувековую толщу времени.

Источники, позволяющие судить о контактах, противоречиях и взаимных представлениях военных и гражданского населения, обнаружены в Архиве МИД Финляндии и в Военном архиве Финляндии. Они представляют значительный интерес для изучения этнических стереотипов, складывавшихся как у военных и членов их семей, так и у жителей гарнизонных городов Великого княжества.

В данной статье ставится задача исследовать, как складывались взаимные представления финляндцев и российских военнослужащих в предвоенный период и в годы Первой мировой войны. Это открывает перспективы дальнейшего изучения роли военного фактора в истории России начала XX в. и исследования особенностей восприятия «человека с ружьём» гражданским населением империи. Проблема контактов российских военных с населением Финляндии во время Первой мировой войны, противоречия, возникавшие между ними и представления, складывающиеся друг о друге, ещё не становились предметом специального исследования, поэтому представляется необходимым обратиться к этой весьма острой проблеме, которую долгое время отечественные историки обходили молчанием.¹

¹ Подробнее о степени изученности проблемы см.: *Дубровская Е.Ю.* Власть, общество и российские войска в Финляндии в 1914–1918 гг. Историографический и источниковедческий аспекты // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Матер. Всерос. науч. конф. СПб., 2007. С. 208–215.

Наиболее обстоятельное исследование проблем, связанных с историей российской армии и флота в Финляндии за более чем вековой период вхождения Великого княжества в состав Российской империи принадлежит П. Лунтинену.² Монография его соотечественницы финской исследовательницы О. Каремаа освещает, в частности, восприятие финляндским обществом российского административного и военного присутствия в бывшем Великом княжестве в 1917–1918 гг.³ Одни историки в соответствии с давней финляндской традицией продолжают называть события зимы весны 1918 г. «освободительной войной», другие считают войной гражданской или «борьбой классов».⁴

Помимо опубликованных материалов (периодической печати, сборников документов, мемуарной литературы), позволяющих судить о взаимоотношениях российских военных и гражданского населения, особенный интерес представляют документы из коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии (Kansallisarkisto), Архива фольклора Финского Литературного общества (SKS), Архива МИД Финляндии, Военного архива Финляндии, а также российских архивов (РГВИА, РГИА, Национального архива Республики Карелия, Архива Карельского научного центра РАН).

Проект по сбору воспоминаний очевидцев и участников событий гражданской войны в Финляндии был предпринят Архивом фольклора Финского Литературного общества в 1966 г. и, к счастью, сумел зафиксировать более 50 томов рукописных и машинописных меморатов на финском языке, составлявших приблизительно по общему плану.⁵ Незменным пунктом предлагавшегося плана был вопрос о «русских войсках, периоде войны и русской революции».

Однако при всей привлекательности этого источника, практически не вводившегося в научный оборот отечественными исследователями, приходится учитывать то обстоятельство, что он создавался много поз-

² *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.

³ *Karemaa O.* Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: venäläisviha 1917–1923. Helsinki, 1998.

⁴ *Hyyönen A.* Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918. Helsinki, 1977; *Polvinen T.* Venäjän valtakumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa: Helmikuu 1918 — toukokuu 1918. Helsinki, 1967; 2 osa : Toukokuu 1918–1920. Helsinki, 1971; *Polvinen T.* Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäistymisen // Historiallinen Arkisto. Helsinki, 1980; *Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание // Историческая память и общество в Российской империи и в Советском Союзе (конец XIX — начало XX века). Междунар. colloquium. Науч. докл. СПб., 2007. С. 59–68; *Polvinen T.* Октябрьская революция и становление независимости Финляндии // Россия и Финляндия. 1700–1917. Л., 1980. С. 11–20.

⁵ Suomen Kirjallisuuden Seuran (SKS) Arkisto. Собрание памятников устной традиции «1918». (Наиболее подробное исследование материалов коллекции проведено в исследовании: *Peltonen U-M.* Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki, 2003).

же описываемых событий, когда Финляндия уже прошла через горький опыт войн со своим восточным соседом, и в обществе сформировалась определённая «традиция рассказывания» о «России и русских». Воспоминания о тогдашнем негативном отношении к военным и особенно об участии (своём или своих близких) в акциях «сопротивления завоевателям» применительно к периоду Первой мировой войны нередко содержат преувеличения.⁶

Этнолог А.-М. Острём опубликовала детские воспоминания финляндских шведов, живших в Гельсингфорсе (Хельсинки) в начале XX столетия. В них встречаются рассказы то о «русских казаках», внезапно промчавшихся по городскому парку «на своих небольших лошадях» к ужасу нянечек, вышедших с детьми на прогулку, то о русских мороженщиках, у которых ребятам покупали «первомайское мороженое», помещавшееся «между двух вафель», или о том, что во время Первой мировой войны «мама шила бельё для русской армии».⁷

* * *

Из общего числа русского и русскоязычного населения империи в середине XIX в. в Финляндии проживало 0,1 %.⁸ Разумеется, большинство русских притягивала финляндская столица Гельсингфорс. Однако, к примеру, в г. Вильманстраде (Лаппенранта) в Восточной Финляндии в 1880 г. русских уроженцев было почти 10 %, а пятая часть населения города считала русский язык родным.⁹

Гельсингфорс, как и российская столица, становился городом, населённым людьми разных национальностей. Помимо русских среди мигрантов из России встречались уроженцы Прибалтийских губерний, поляки, евреи, татары, цыгане, немцы и др., прибывшие сюда вместе с российскими войсками. Русские составляли наиболее многочисленную этническую группу. В конце XIX в. русский православный приход в Гельсингфорсе насчитывал до полутора тысяч чел., в 1910 г. — 2 406 чел., из которых «постоянными» местными прихожанами были 513 чел., а 1 899 чел. не являлись гражданами Финляндии. В 1900 г. в Великом княжестве Финляндском

⁶ См. также: Дубровская Е. Ю. Российские военнoслужашие и население Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны: представления, контакты, противоречия // Исторические записки № 8 (126) М., 2005. С. 267–295; Она же. Символическое присутствие империи в финляндской столице и трансформация городской символики Гельсингфорса в 1917 г. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв. Сб. статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 385–398.

⁷ *Hemma Bäst*. Minnen fr n barndomshem i Helsingfors. Helsingfors, 1990. S. 71, 146, 196.

⁸ Русские в мире. Вып. 2. М., 1991. С. 69, данные таблицы.

⁹ *Räsänen M.* On the border between east and west // *Venalaisyys Helsingissa 1809–1917*. Helsinki, 1984. S. 95.

было 6 тыс. чел. русских, преимущественно живших в Гельсингфорсе и Выборге, что составило не более 0,22% всего населения Финляндии.¹⁰

Конкретной реальностью периода наступления имперской власти на автономные права Финляндии стал роспуск финляндских национальных войск. Задачи защиты территории Княжества отныне должны были выполнять исключительно российская армия и флот. После ликвидации национальных вооружённых сил Финляндия в 1905 г. была включена в состав Петербургского военного округа. На её территории происходило развертывание 22-го армейского корпуса, численность которого первоначально предполагалось довести до 14 тыс. человек. К началу войны она составила 35–40 тыс. чел. Корпус располагался вдоль южного побережья Финляндии.¹¹

Региональная политика самодержавия в своем стремлении к политической и экономической интеграции страны вынуждена была учитывать своеобразие Финляндии, этой пограничной территории на северо-западном рубеже империи. На практике это ставило военные власти перед необходимостью знакомить как «традиционного» новобранца, так и призывника-резервиста из российской глубинки с пусть даже самыми общими сведениями об автономной Финляндии, «национальной окраине», которой суждено было стать местом прохождения службы для тысяч рядовых и офицеров.

К началу Первой мировой войны командование русскими войсками в Финляндии не могло ограничиваться публикацией специальной литературы, информировавшей о естественно-географических и тактических особенностях ведения боевых действий на территории Княжества.¹² Была предпринята попытка подготовить «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего её устройства», рассчитанный на унтер-офицерский состав. Автором этого обзорного очерка, изданного ротاپринтным способом, стал ротмистр Ильиню.¹³ В очерке капитана Вишневого, увидевшем свет в Петрограде, вопросу о «гражданском устройстве Финляндии» уделено не больше страницы. Сведения об административном устройстве и управлении краем не выходят за рамки разъяснений о том, что «полицмейстер-

¹⁰ *Koukkunen H., Kasanko M. Helsingin ortodoksinen Seurakunta 1827–1977. Helsinki, 1977. S. 17; Turpeinen O. Venäjänkielisten maara Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa... S. 27.*

¹¹ *Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Указ. соч. С. 63; Расила В. Указ. соч. С. 136; Соломещ И.М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Петро-заводск, 1992. С. 20.*

¹² *Альфтан М.Ф. Военное обозрение Финляндского военного округа. Т. 1–2. Гельсингфорс, 1905; Вишневский, капитан. Краткий военно-географический очерк Юго-западной Финляндии. Петроград. 1915; Рыльский К. Краткий очерк финляндского театра. СПб., 1906; Он же. Особенности тактических действий в Финляндии. СПб., 1909.*

¹³ *Kansallisarkisto (КА — Национальный архив Финляндии). «Русские военные бумаги». Д. 17247. Л. 1–24.*

ские обязанности выполняются здесь обер-констеблями (околоточными) под ближайшим началом комиссаров (приставов), а «общинное (земское) управление сосредотачивается в городских и сельских общинах».¹⁴

Очерк ротмистра Ильина, обнаруженный среди документов коллекции «Русские военные бумаги» в Национальном архиве Финляндии, является попыткой дать унтер-офицерам некоторые общие представления о Великом княжестве. Автор остановился на таких мало- или совсем неизвестных прибывавшим из России военным вопросам, как население края в древности, период шведского владычества, присоединение Финляндии к России в результате наполеоновских войн, автономные права Великого княжества в составе Российского государства, административное устройство Финляндии, обязанности Императорского Финляндского сената и сейма, судебная система, городское самоуправление, церковь, высшие и средние учебные заведения, и даже перечислил действовавшие здесь секты.

Примечательны содержащиеся в очерке Ильина упоминания об этнических аспектах жизни сопредельных территорий. Сведения эти различны по характеру — от простой фиксации этнонимов периода средневековья («полудикое финское племя “ямь” и «полудикое финское племя “кареллы”») — до суждений о типичных свойствах тех или иных народов, и прежде всего, о ближайшем этносе-соседе — о финнах. Приводимые им оценки мало отличаются от тех, что встречаются в издававшейся накануне войны многочисленной литературе по «финляндскому вопросу», изобиловавшей ссылками на враждебное отношение финляндцев к русским, к Православной церкви, к представителям русской армии и власти, к эмблемам имперской власти и пр. Н. Вальтер, в частности, по пунктам перечислял «отрицательные стороны финской жизни», что должно было, по мысли автора, привести читателя к негативному ответу на вопрос: «Вправе ли финляндцы гордиться своей культурой перед русским народом?»¹⁵

Ротмистр Ильин, сообщая служившим в Великом княжестве унтер-офицерам о «культуре шведов в Финляндии» в период шведского владычества, отметил: «...шведы всё же старались привить культуру финнам: распространяли христианство, вводили некоторый порядок в управление народа, издавали законы, устраивали суды и т.д., но при этом обставляли дело так, что финны всегда и во всём зависели от своих культурных завоевателей».

Из очерка читатели узнавали, что «Швеция, бывшая могущественным государством, не могла хладнокровно смотреть на усиление нашей родины» и тогда «Император Петр Великий решил снова отобрать от

¹⁴ Вишневецкий. Указ. соч. С. 47.

¹⁵ Вальтер Н. Изнанка финляндской культуры: материалы для очерка финляндских нравов. СПб., 1913. С. 253.

Швеции старинные русские земли». ¹⁶ Однако окончательный переход бывшей шведской окраины под власть России, предоставленные ей автономные привилегии, а также «дарование Финляндии прав иметь собственную монету и собственные войска» не снискали искренней признательности жителей Княжества.

Специальный параграф «Неблагодарность финляндцев» повествует о том, что, несмотря на оказанные милости, они притесняли немногочисленное русское население края, не предоставляя им никаких прав в то время, когда сами пользовались всеми правами внутри Империи, и «не хотели пойти навстречу требованиям правительства, предъявляемым финляндцам для общего с империей блага». В 1885 г., установив памятники в честь одержанных ими «частичных побед над русскими войсками», финляндцы, по словам автора, «бросили оскорбительный вызов всем русскими людям и возмечтали о самостоятельном государстве, внушая всем, что Финляндия связана с Россией лишь в лице Монарха, что она не есть Россия, а отдельное государство, состоящее в унии (в союзе) с Россией». Последнее автором выделено под рубрикой «Заблуждения финляндцев», ¹⁷ в которой упоминаются причины их недовольства деятельностью генерал-губернатора Бобрикова «за его стремление объединить Финляндию с Империей».

В развернувшихся «боях за память» о последней русско-шведской войне 1808–1809 гг. ¹⁸ гражданская администрация Княжества призвана была взаимодействовать с военными властями. Свидетельство тому — предписание Выборгского губернатора генерал-майора Ф. фон Фалера коронному ленсману (главе местного управления) Суоярвского округа в Восточной Финляндии, направленное в декабре 1913 г. Из документа явствует, что Начальник военных перевозок по железным дорогам и водным коммуникациям полковник Месснер, действительный член Императорского военно-исторического общества, получил поддержку финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна в организации сбора «необходимых свидетельств о сохранившихся в Финляндии военно-исторических памятниках» для последующего широкого оповещения о найденных материалах. По распоряжению Зейна, все губернаторы Княжества должны были оказывать Месснеру полное и всестороннее содействие в осуществлении его задачи, в частности, позволить названному офицеру штаба

¹⁶ КА. Там же. Д. 17247. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Подробнее см.: *Витухновская М.А.* «Битва монументов»: русско-шведские войны в национальной памяти империи и Великого княжества // Историческая память и общество в Российской империи и в Советском Союзе (конец XIX — начало XX века). Междунар. коллоквиум. Науч. докл. СПб., 2007. С. 48–58.

«беспрепятственно проникать во все учреждения и заведения, имеющие какое-либо значение для изучения древних войн», и способствовать ему в исследованиях для подготовки отчёта о сохранившихся в Финляндии военно-исторических памятниках.¹⁹

Возвращаясь к очерку ротмистра Ильина «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего её устройства», следует отметить, что убийство генерал-губернатора Н.И. Бобрикова в 1904 г. «активистом» Е. Шауманом (сторонником активного сопротивления унификаторским начинаниям царизма), который назван в очерке «злоумышленником шведом», упоминается наряду с революцией в России и Финляндии 1905 г. и принятием нового сеймового устава в 1906 г. Более подробно автор остановился на изданном 24 сентября 1909 г. «Законе о военном налоге Финляндии», на основании которого Великое княжество обязано было отчислять в пользу Империи определённую денежную сумму специально на военные нужды: «Опять-таки этот Закон, вызвавший столько нареканий финляндцев, является лишь актом высшей справедливости. Ведь Финляндия с упразднением её войск в 1901 г. фактически совершенно перестала участвовать в военных тяготах России».

В том же ключе трактовался Закон от 17 июня 1910 г., который передавал на рассмотрение Государственной Думы и Государственного Совета финляндских дел, признававшихся вопросами общегосударственного значения (участие Финляндии в государственных расходах, права русских граждан в Финляндии и финляндцев в России, финляндская система самоуправления, государственный язык, регулирование судопроизводства, денежная система, общегосударственные интересы в школьных программах, издательская деятельность, общественные собрания, работа союзов и объединений, железных дорог, таможни, телеграфа, постановка почтового дела, торговля и морское судоходство). Эти дела подлежали решению в законодательных органах России, а финляндскому парламенту было оставлено лишь право высказывать по ним свое мнение.²⁰ По поводу принятого центральной властью в мае 1912 г. Закона о равных с финляндцами правах русских граждан в Финляндии, вызвавшее «пассивное» сопротивление внутри финляндского общества, ротмистр Ильин пояснил, что, всячески стараясь воспрепятствовать проведению закона в жизнь, «пассивисты» отказываются «исполнять работу, так или иначе относящуюся к ненавистному им закону, не вносят фамилии русских в избирательные списки, не разрешают им торговать и т.д.».²¹

¹⁹ НАРК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. 830. Д. 14. Л. 1.

²⁰ Сборник постановлений Великого княжества Финляндского на 1910 г. Гельсингфорс, 1911. № 45. С. 1–7; *Расила В.* Указ. соч. С. 129; *Соломец И.М.* Указ. соч. С. 8–9.

²¹ КА. Там же. Д. 17247. Л. 11.

Межэтнические противоречия, возникавшие в столь напряжённой политической обстановке в крае и ставшие заметной стороной повседневной жизни этносов-соседей, нашли следующее отражение на страницах очерка: «Вот какой монетой финляндцы отплатили и продолжают платить русским за сделанное им Россией добро. Но разберёмся, повинен ли перед нами, русскими, вообще весь финляндский народ? По справедливости, всю вину надо сложить только на некоторую часть его, которая подстрекает население Финляндии во-первых, к неисполнению требований Имперского правительства, а во-вторых, к ненависти против русских... Кто занимает должности чиновников, кто служит в городских самоуправлениях, кто, наконец, является хозяевами банков, кредитных учреждений — конечно, в подавляющем количестве шведы. Все они, состоя вожаками разных политических партий в Финляндии, и восстанавливают остальное население против нас, русских».²²

Соображения здравого смысла требовали отделить основное население возможного будущего театра военных действий от потенциального противника в лице Швеции и поддерживавших её этнических шведов. Активная деятельность штаба Петербургского военного округа и негласной агентуры как в Финляндии, так и особенно в соседней Швеции, свидетельствовала о том, что фактор Финляндии, превратившейся к рассматриваемому периоду в очаг сепаратизма на территории Российской империи, находился в фокусе внимания русских военных экспертов в Северных странах.²³ Официальный Петербург торопился подавить сепаратистские устремления финляндцев, опасаясь перехода Великого княжества под контроль Германии в случае получения независимости или даже расширения автономии.²⁴

Эти обстоятельства учитывались при подготовке унтер-офицерского состава русских войск, дислоцированных в крае. Автор «Краткого очерка истории Финляндии» обвинил финляндских шведов в том, что они играли руководящую роль в Шведской народной и Младофинской партиях конституционалистов, а также в организованном после общероссийской политической стачки 1905 г. союзе «активистов» «Voima» («Сила»), который осенью 1905 г. был запрещён финляндским Сенатом по требованию России.

²² Там же. Л. 12.

²³ *Сергеев Е. Ю., Улуян А. А.* Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914. М., 1999. С. 280–281. Некоторые из многочисленных предвоенных изданий военного ведомства об особенностях тактических действий в районе русско-шведской границы рассмотрены в статье: *Дубровская Е. Ю.* Шведское общество и мировая война (по материалам 1914–1917 гг. в делах русских военных властей в Финляндии) // Скандинавские чтения 1998 г.: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999. С. 216–226.

²⁴ *Юссала О., Хенттля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии: 1809–1995. М., 1998. С. 95–99.

«Не хочется им расставаться с положением главных хозяев края, — писал Ильин, — поэтому они всеми силами и стараются отстоять свои позиции, справедливо рассуждая, что русские не допустят продолжения такой ненормальности». Завершая изложение взглядов военных властей на обстановку, сложившуюся в Княжестве, составитель пособия отметил: «В последнее время, слава Богу, в среде финнов уже слышатся трезвые голоса в пользу русских, но пока таких голосов, к сожалению, очень мало».²⁵

Примечательно руководство, которое должны были усвоить ознакомившиеся с пособием нижние чины унтер-офицерского звания в отношении гражданского населения края: «До того же времени, когда всё население Финляндии поймет, что их истинными друзьями могут быть только русские, нам, служащим в этой стране, надлежит стараться показать населению, что мы пришли сюда не для нанесения им обид, а для своего дела, направленного на общую пользу. Поэтому мы в тех немногих случаях обращения к нам за чем-либо финляндцев безусловно обязаны идти навстречу им, однако же, не нарушая при этом присяги, долга службы и распоряжений своего начальства. Вот тогда эта северо-западная окраина поймет, кого она должна слушаться, кому повиноваться».²⁶

Последний красноречивый пассаж свидетельствует о коренном отличии восприятия сложившейся ситуации общественным мнением финляндцев и русским военным командованием. По наблюдению финского историка В. Расила, для русских в основе «финляндского вопроса» лежали соображения военной и оборонной политики, на национальные проблемы в Петербурге не обращали достаточного внимания, поскольку государственный интерес стоял превыше всего, в том числе и национальных проблем. Между тем «в Финляндии дела рассматривались не с военной точки зрения, и здесь отнюдь не опасались за безопасность российской столицы. Для финнов было важно все, что затрагивало финскую национальность и право на национальное самоопределение».²⁷ В таких обстоятельствах находившиеся в Финляндии российские войска не только становились средством проведения политики центральных властей, но и неизменно оказывались заложниками политических амбиций сторон, что особенно проявилось в годы Первой мировой войны.

В финляндской провинции, вдалеке от больших городов, где не было большого скопления военных, политические баталии, разворачивавшиеся в столичной прессе Великого княжества и направленные против присутствия российских войск в Финляндии,²⁸ не влияли на повседневную

²⁵ КА. Там же. Л. 12.

²⁶ Там же. Л. 13.

²⁷ Расила В. Указ. соч. С. 133.

²⁸ Дубровская Е. Ю. Финляндцы и российские военнослужащие: 1910–1914 годы // Вопросы

жизнь сельского населения и не сказывались на отношении к финнам и шведам со стороны военнослужащих.

Примечательно свидетельство родившегося в 1907 г. Эрkki Уотила о настроении его земляков в период гражданской войны 1918: «В Финляндии повсюду проявлялось колебание, когда пришли русские. Одни в душе идеализировали их как пришедших освободителей, не было никакого единого мнения. Другие их ненавидели». И лишь когда началась Зимняя война 1939 – 1940 гг. «все объединились в братском единодушии».²⁹ Воспоминания оставила и уроженка Выборга Эстер Ойнонен (1899 г.р.), работавшая в 1917 г. няней у детей городского судьи и проживавшая в его семье. В Выборге «...было много русских солдат, которым одни симпатизировали, другие их ненавидели. В особенности финские служанки любили исключительно их, потому что на внешность они были красивые, подтянутые, и вежливые, обходительные. Я, конечно, не собиралась с ними общаться, ведь у них были жены и дети в России, а многим девушкам пришлось плохо, когда эти отношения закончились».³⁰

Рассказчица упоминает и об одной из «стратегий выживания», к которой в 1918 г. приходилось прибегать её хозяйке, если в городе устанавливалась власть «красных» или «белых финнов». «...Стали ходить слухи, что в России была революция и там к власти пришли коммунисты, они стали помогать потом финским «*пуникки*» [презрительное название т.н. «красных финнов». — *Е. Д.*], и те захватили власть, так что жизнь была совсем как мельница». Обыватели «прицепляли на грудь красные бантики, опасаясь мести «*пуникки*», или же сине-белые вместо них, смотря кто победил. [Имеются в виду цвета национального флага независимой Финляндии]. — *Е. Д.* И в семье этого судьи хозяйка всегда по обстановке меняла нам, служанкам, такие значки».³¹

* * *

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных, служивших в Финляндии, социально-нравственных норм и представлений рядовых и офицеров об этнососедах (финнах и шведах) позволяют представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружьё и на себе испытывавших воздействие

истории Европейского севера. Проблемы развития культуры: вторая половина XIX–XX вв. Петрозаводск, 2002. С. 193–205.

²⁹ SKS Arkisto. Side 52. Erkki Uotila. S. 93.

³⁰ SKS Arkisto. Side 22. S. 1.Ester Oinonen.

³¹ Ibid. S. 2.

модернизационных процессов в вооружённых силах России. Противопоставление военных себя финляндцам в рамках дихотомии «мы—они» и аналогичное обособление гражданского населения от «человека с ружьём» — представителя чужой культуры — интересно с точки зрения исследования этнических стереотипов, складывавшихся как у военных и членов их семей, так и у жителей гарнизонных городов Финляндии.

Факты межэтнических конфликтов между российскими военными и населением бывшего Великого княжества Финляндского не позволяют довольствоваться идиллической картиной «классовой солидарности русских солдат и матросов с революционным финляндским пролетариатом», которая долгое время рисовалась в отечественной исторической литературе.

Однако, делая акцент на конфликтах и противоречиях между военнослужащими и финляндцами в период российской революции 1917 г., следует избегать другой крайности — отрицания всякого взаимодействия между ними.³² Преодоление «перекосов» такого рода позволяет уйти из-под влияния новых мифов и стереотипов в отечественной историографии, пришедших на смену старым.

³² См. также: *Кеттола Э.* Русская революция и независимость Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 294–307; *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб, 2001; *Он же.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Черняев В.Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // *Анатомия революции...* С. 308–323; *Чистиков А.Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Россией // *Интервенция на северо-западе России: 1917–1920 гг.* СПб., 1995. С. 159–174.